

М.Г. Покидченко

*д.э.н., профессор, ведущий научный сотрудник ИЭ РАН,
профессор МГУ им. М.В. Ломоносова.*

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЦИКЛ?

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы экономических циклов и дискуссии, связанные с ними, – вопросы об их существовании, в особенности больших экономических циклов, и взаимодействия больших и средних циклов. Приводятся различные мнения о происхождении экономических кризисов. Также подробно рассматриваются различные концепции антикризисной и антициклической политики, в первую очередь кейнсианская и неолиберальная. Анализируются концепции антикризисной экономической политики в России и за рубежом (США, Западной Европе и Казахстане).

Ключевые слова: *экономический кризис, экономический цикл, антикризисная политика.*
Классификация JEL: B25, E32, N14, O33, O38, P16.

Истинная редкость в мире – это не ресурсы..., а понимание происходящего.

П. Кругман

Для кого-то из экономистов этот вопрос может показаться странным, но он возник не на пустом месте. Впервые я столкнулся с этой проблемой осенью 2008 г., когда разразился мировой экономический кризис. Для постсоветской экономики это был первый кризис (не считая дефолта 1998 г.), и для нашей экономической науки было в целом простительно давать по его поводу довольно разноречивые комментарии (хотя мировой капиталистической экономикой в советское время занимались видные ученые, работавшие в частности в ИМЭМО). Но после «перестройки» наши «продвинутые» экономисты стали ориентироваться на экономическую науку Запада, где в настоящее время экономический цикл не в чести. Поэтому, слушая по телевизору осенью 2008 г. высказывания мировых политических лидеров и ведущих экономических экспертов, я с изумлением узнал, что их мнения сводились к двум точкам зрения – согласно одной, такого кризиса никогда раньше не было, согласно другой – не было со времен Великой депрессии 1930-х гг. Поскольку в ходе преподавания «Истории экономических учений» я ежегодно рассказывал студентам о теориях экономических циклов, то был очень удивлен, что в этих высказываниях не было ни слова об экономических циклах, о мировых экономических кризисах 1968–1969 гг., 1975 г. и 1981–1982 гг. Далее, поскольку кризис 2008–2009 гг. эти эксперты не связывали с экономическим циклом, они искали и нашли его конкретных виновников – американский инвестиционный банк Lehmann Brothers и страховую компанию AIG, занимавшихся рискованными финансовыми операциями. Таким образом получалось, что устроить мировой экономический кризис очень легко – требуется всего две фирмы¹. Затем для кризиса 2015 г. тоже нашли конкретных виновников, и никому не приходит в голову тот факт, что

¹ Кстати, после кризиса 2008 г. английская королева высказала недоумение, почему экономическая наука не предсказала его. То же в нашей стране тогда сделал бывший министр финансов А. Кудрин. Но если считать этот кризис не циклическим, а случайным, предсказать его невозможно, а поиск конкретных причин будет бесконечным.

кризисы 2008–2009 и 2015 гг. произошли ровно через 40 лет после кризисов 1968–1969 и 1975 гг. (Логично поэтому предположить, что через 40 лет после кризиса 1981–1982 гг. произойдет кризис 2021–2022 гг.)²

Второй звонок прозвучал для меня в этом году. После кризиса 2008–2009 гг., на волне интереса к этой проблеме, я разработал для студентов магистратуры спецкурс «Теории экономических кризисов и циклов» и благополучно читал его, поскольку теорий этих – превеликое множество. (Обзоры теорий экономических циклов представлены, например, в работах Э. Хансена «Экономические циклы и национальный доход» (1951) и Г. Хаберлера «Процветание и депрессия» (1958). С тех пор количество теорий экономических циклов как минимум удвоилось.) Но в этом году, при формировании новой учебной программы, мне сказали, что «есть мнение», опирающееся на определенные западные экономические теории, что экономического цикла не существует? и поэтому встает вопрос о необходимости моего спецкурса. Отбиться мне удалось, только перенеся этот вопрос в другую плоскость – мол, существование экономического цикла есть вопрос дискуссионный, а существование его теорий бесспорно, и именно они рассматриваются в данном спецкурсе с точки зрения различия методологических и теоретических подходов. В результате мы пришли к компромиссу – спецкурс мне оставили, но часы урезали на треть. История со спецкурсом стала последней каплей. Много лет я преподаю историю экономических учений, где в равной степени рассматриваются различные, нередко противоречащие друг другу теории, не вставая на чью-либо сторону и руководствуясь строчками А.С. Пушкина – «хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца», но тут мне захотелось выйти из нирваны и высказать свое мнение в этой статье.

Поскольку мой авторитет невелик и мое мнение не может быть противопоставлено мнению маститых западных экономистов, отрицающих экономический цикл, позвольте процитировать лауреата Нобелевской премии, профессора Принстонского университета П. Кругмана, который после кризиса 2008 г. писал о том, что идея отрицания экономического цикла не нова: «К концу 1960-х Соединенные Штаты так долго жили без рецессий, что экономисты устраивали конференции, которые назывались приблизительно так: «Не устарело ли понятие делового цикла?» Как оказалось, постановка этого вопроса была преждевременной: 1970-е стали десятилетием «стагфляции»... Однако к 1990-м некоторые экономисты и политики начали снова задавать упоминавшийся выше вопрос. ...несколько лет назад Роберт Лукас и Бен Бернанке уверенно заявили, что, хотя экономика продолжает периодически сталкиваться с неудачами, времена по настоящему серьезных рецессий, не говоря уже об общемировых депрессиях, остались в прошлом» (Кругман П., 2009. С. 32–33). «Сегодня, когда большая часть земного шара оказалась втянутой в жесточайший финансово-экономический кризис... можно только поразиться, насколько самодовольно звучали эти оптимистические заявления» (там же. С. 25). Таким образом, мы видим «мнение» нобелевского лауреата П. Кругмана, отрицающее «мнение» нобелевского лауреата Р. Лукаса. А отсюда мораль – «не сотвори себе кумира», не принимай за абсолютную истину утверждения даже самых именитых теоретиков.

Теперь позвольте кратко изложить общеизвестные (как мне казалось до недавнего времени) положения о теории и истории экономических циклов, опирающиеся на исследования экономики Европы и США.

В капиталистической экономике существуют циклические кризисы. Они охватывают все народное хозяйство и наблюдаются только при капитализме. Развитие капиталистической экономики осуществляется циклически, т.е. в виде равномерного повторения подъемов и спадов производства. Более подробно фазы экономического цикла можно описать следующим образом. Подъем в экономике выражается в высоких темпах роста

² О том, что следующий кризис будет в 2015 г., я писал еще в 2009 г. (см.: (Национальная ..., 2009. Гл. 5)).

производства, опирающихся на высокий уровень спроса, который стимулирует производителей на дальнейшее увеличение предложения. Однако постепенно, по мере исчерпания спроса на производимую продукцию, начинается замедление темпов роста производства, переходящее затем в его абсолютное сокращение. Эта фаза спада в экономике называется рецессией, или кризисом. У предпринимателей нарастают трудности со сбытом своей продукции, они вынуждены снижать на нее цены, сокращать производство и увольнять часть работников. Последнее в свою очередь сокращает платежеспособный спрос и еще больше углубляет кризис. Часть производственных, торговых и кредитных фирм терпит крах. Так продолжается до тех пор, пока сокращение производства не сравняется со спросом. Фаза кризиса (спада) на этом заканчивается, и начинается фаза депрессии, когда экономика «лежит на дне», покрывая незначительный спрос незначительным предложением.

В то же время кризис и депрессия имеют для капиталистической экономики и позитивное значение. В это время в среде предпринимателей происходит своего рода «естественный отбор». Слабые и устаревшие фирмы разоряются, а оставшиеся производители, стремясь снизить свои издержки, обновляют технику, технологию и организацию производства, на что они бы не пошли в условиях экономического подъема, поскольку, как гласит пословица – «от добра добра не ищут», тем более, что внедрение нового несет в себе определенный риск. Снижение издержек, даже в условиях низких цен, увеличивает прибыли предпринимателей и дает стимул к оживлению в экономике. Следовательно, кризис представляет собой, по словам Шумпетера, «разрушительное созидание». На фазе оживления наблюдается преимущественно интенсивное развитие экономики, а на последующей фазе подъема – экстенсивное. Таким образом, один период цикла состоит из четырех фаз – подъем, рецессия (кризис), депрессия, оживление, а затем все повторяется – подъем и т.д. Цикл, включая фазу кризиса, является нормой существования и развития капиталистической экономики. (Напротив, если признавать кризисы не циклическими, а случайными явлениями, их надо трактовать (что, как мы видим, и происходит) как ненормальное, болезненное состояние экономики.)

Как уже было сказано, циклическое развитие присуще только капиталистической экономике, так как она представляет собой, с одной стороны, единую взаимосвязанную систему, в то время как предшествующий феодализм имел экономику, состоящую из отдельных регионов, мало связанных между собой, и кризисы там были локальные, в отличие от циклических народнохозяйственных кризисов при капитализме. С другой стороны, в отличие от социалистической, экономика капитализма может быстро изменяться, так как взаимообусловлена рыночными отношениями отдельных хозяйствующих субъектов, и тенденция, направленная на подъем или спад, быстро распространяется на все народное хозяйство. В социалистической же экономике пропорции (или диспропорции) в народном хозяйстве устанавливаются и поддерживаются из единого центра. Такая централизованная система управления инертна в силу ее размера, и диспропорции в экономике, маскируемые государством, могут долго накапливаться, а последующий кризис может быть такой силы, что будет способен уничтожить всю систему. Кризисы же в капиталистической экономике периодически, образно говоря, «выпускают из котла пар». Таким образом, кризис в экономическом цикле выполняет две задачи – устраняет накопившиеся диспропорции и дает стимул к следующему этапу развития. Соответствие экономического цикла только капитализму можно хорошо видеть на примере истории России. Первый циклический кризис произошел в 1825 г. в Англии, бывшей тогда лидером мирового капиталистического развития. Другие страны подключались к экономическому циклу по мере достижения у них необходимого уровня развития капитализма. В России первый циклический кризис произошел в 1873 г., и затем она участвовала в мировом экономическом цикле до 1917 г. В социалистический период в России (СССР) циклических кризисов не было, но были структур-

ные. После перестройки Россия снова присоединилась к мировому экономическому циклу, в рамках которого были кризисы 2008–2009 и 2015 гг.

Экономические циклы бывают разной продолжительности. Наиболее признанным является цикл, первый кризис которого был отмечен в 1825 г. Правда, что это циклический кризис, никто тогда еще не понял. Единственной новой чертой этого кризиса, которую сразу же отметили, было то, что он охватил всю экономику Англии (раньше кризисы были только отраслевыми или региональными). Но после того, как за ним последовали кризисы 1836 и 1847 гг., была отмечена их регулярная повторяемость. В результате в 1860 г. вышла книга французского экономиста К. Жюглара «О торговых кризисах и их периодическом повторении во Франции, Англии и Соединенных Штатах», в которой он впервые ввел понятие и дал общую характеристику экономического цикла. Первоначально он носил имя Жюглара, но в настоящее время называется «деловым циклом».

В середине 1920-х гг. были открыты еще два экономических цикла – большой цикл Кондратьева и малый цикл Китчина (цикл Жюглара стал таким образом «средним»). Соотношение между ними следующее – большой цикл в три раза больше, а малый в два раза меньше среднего. (Поскольку малый цикл слабо выражен, мы будем говорить далее только о среднем и большом.) Абсолютная продолжительность циклов постепенно сокращается – с конца XVIII в. и до настоящего времени большой цикл сократился с 60 до 40 лет, а средний – с 11 до 6,5 лет (в экономической литературе, к сожалению, прижилась неверная формулировка, согласно которой интервал среднего цикла составляет 7–11 лет). Причина именно такой продолжительности циклов наукой однозначно не определена, хотя есть некоторые гипотезы. То же самое можно сказать об объяснении механизма экономической цикличности, хотя разнообразных теорий цикла выдвинуто большое количество.

Между большим и средним циклом существует также определенная зависимость, но прежде чем говорить о ней, надо ввести еще одно понятие. Помимо четырех фаз цикла, о которых говорилось ранее (кризис (спад), депрессия, оживление и подъем), можно поделить цикл на «положительную» и «отрицательную» фазу, которые находятся выше или ниже линии экономического равновесия. Так вот, как отмечал еще Кондратьев, кризисы среднего цикла почти незаметны, если они приходятся на «положительную» фазу большого цикла, и наоборот, наиболее заметны на «отрицательной» фазе большого цикла. В настоящее время мировая экономика находится в рамках пятого большого цикла (1985–2025 гг.). В положительной фазе большого цикла (1985–2005) кризисы среднего цикла не были заметны (что и породило мнение об их отсутствии в 1960-е и 1990-е гг., о чем писал Кругман), а привлекли они всеобщее внимание лишь на фазе отрицательного состояния экономики (2005–2025 гг.). Это кризисы 2008–2009 и 2015 гг., а следующий кризис должен произойти в 2021–2022 гг. Схема взаимодействия большого и среднего циклов представлена на рисунке.

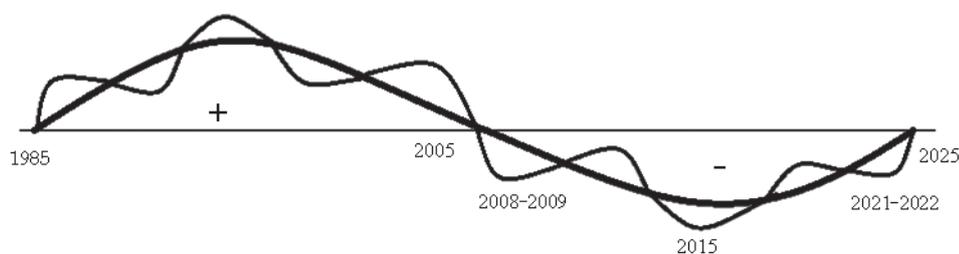


Рис. Схема взаимодействия большого и среднего циклов

Еще один момент в протекании циклических кризисов связан со структурным изменением в капиталистической экономике за последние 200 лет. Он проявился в смене названия кризисов – в 1860 г. К. Жюглар писал о «торговых» кризисах, в 1894 г. М. Туган-

Барановский, выдвинувший первую в мировой экономической науке эндогенную теорию цикла, – о «промышленных» кризисах, а в настоящее время в основном говорят о финансовых. Причем, как правило, пишут о том, что кризисы начинаются с так называемых «финансовых пузырей», которые вовремя не купировали надзорные органы типа Федеральной резервной системы. Более того, нередко в них видят причины кризисов. Но надо сказать, что «финансовые пузыри» (или «финансовые пирамиды») известны давно. Можно вспомнить, например, финансовую пирамиду Д. Лоу начала XVIII в. «Как указывал Роберт Шиллер (профессор Йельского университета. – М.П.), автор книги «Иррациональное изобилие», пузырь, надуваемый вокруг любого актива, – это разновидность естественной «схемы Понци» (Ponzi), при применении которой люди продолжают зарабатывать деньги до тех пор, пока есть новые простофили, готовые включиться в игру. В конце концов количество простофиль, участвующих в этой схеме, заканчивается, и вся конструкция терпит крах» (Кругман П. Указ. соч. С. 229–230).

Но по мере развития капитализма доля и роль финансового сектора в капиталистической экономике нарастает. Это отмечал, опираясь на книгу Р. Гильфердинга «Финансовый капитал», В. Ленин, называя современный ему капитализм финансовым. Один из первых американских институционалистов У. Митчелл, возглавлявший с 1920 г. Национальное бюро экономических исследований, писал о том, что финансовые институты стали «квази-независимыми», а И. Валлерстайн, известный автор миросистемного анализа, видит в этом признак заката капитализма как социальной системы. Поэтому называть современные циклические кризисы капиталистической экономики финансовыми отчасти правомерно.

Следует сказать также об антикризисной и антициклической экономической политике. Первый опыт антикризисной политики пришелся на времена так называемой Великой депрессии. Речь идет о фазе «отрицательного» состояния экономики в период третьего большого цикла, пришедшейся на 20–30-е гг. XX в. Кризисы среднего цикла, соответствующие этой фазе, произошли в 1921, 1929 и 1937 гг. Хотя Великая депрессия поразила всю мировую капиталистическую экономику, обычно вспоминают ту, которая была в США, так как здесь она имела определенную специфику, а антикризисная политика была наиболее комплексной. Дело в том, что в период Первой мировой войны США стали выходить в мировые экономические лидеры. Америка практически не участвовала в войне, но поставляла воюющим странам военное снаряжение, продовольствие и предоставляла кредиты. Таким образом, в то время как все воюющие страны терпели убытки, США получили дополнительный стимул экономического развития. После войны все воевавшие страны находились в депрессии, которая затем перешла в «отрицательную» фазу большого цикла (из чего Кейнс сделал вывод о хронической депрессии капиталистической экономики, связанной со «склонностью к сбережениям», ведущей к отставанию спроса), а в США продолжался экономический подъем, поэтому здесь практически отсутствовал кризис 1921 г., но зато кризис 1929–1932 гг. отличался необычной глубиной и продолжительностью. Последующий затем период до Второй мировой войны (1933–1938 гг.) и был для США Великой депрессией, и в это время здесь осуществлялась антикризисная программа, получившая название «Новый курс Рузвельта». В ней следует различать экономические реформы, имевшие долговременный характер, и собственно антикризисные меры, которые должны были увеличить совокупный спрос, а следовательно производство и занятость. Это были заказы государства на строительство инфраструктурных объектов и лесопосадки, предоставление предпринимателям временных льгот, выплаты фермерам компенсаций за сокращение производства, пособий безработным и т.п.

После Второй мировой войны сформировалась уже кейнсианская концепция антициклической политики, когда принимались меры не только против спадов, но и против подъемов в экономике, которые трактовались как «перегревы конъюнктуры». Считалось, что чем выше экономический подъем, тем глубже будет затем кризис. Соответственно,

антициклическая политика сводилась к смене политики «дорогих» и «дешевых» денег – в фазе подъема происходило увеличение налогов, удорожание кредитов и сокращение государственных заказов, а в фазе спада – сокращение налогов, удешевление кредитов и увеличение государственных заказов. Эта антициклическая политика проводилась в «положительной», т.е. в целом успешной, фазе большого экономического цикла (1945–1965 гг.), однако когда наступила «отрицательная» фаза (1965–1985 гг.), кейнсианских мер оказалось недостаточно, тем более что в 1960-е гг. все (и правительства, и экономисты) уверились, что с кризисами покончено.

И тут, в 1970-е гг. в капиталистической экономике возник целый «букет» неприятностей – «отрицательная» фаза большого цикла, во время которой произошли достаточно глубокие кризисы среднего цикла 1968–1969, 1975 и 1981–1982 гг., хроническая инфляция, в результате которой в 1970-е гг. возникло новое явление – «стагфляция», а также валютный кризис, приведший к отказу от Бреттон-Вудской валютной системы, так как сначала фунт, а затем доллар перестали размениваться на золото, и, наконец, резкое удорожание нефти и газа, получившее название «энергетический кризис».

В результате кейнсианская теория и экономическая политика были раскритикованы и лидерство захватили неолибералы, которые выступили против политики вмешательства государства в экономику с помощью налогов, кредитов и государственных инвестиций (причем все это допускалось за счет дефицита бюджета, т.е. инфляции). Как пишет П. Кругман: «...создатели экономической политики убеждают себя, будто у них все под контролем, а потом – к своему ужасу и страданиям всей страны, узнают, что на самом деле это не так» (там же. С. 218). (Кстати, после кризиса 2008–2009 гг. фиаско кейнсианцев повторили неолибералы.) Неолиберальная же экономическая политика предполагала в основном создание благоприятной институциональной среды для бизнеса, обеспечивающей свободную конкуренцию. Кроме того, поскольку в 1970-е гг. появилась хроническая инфляция, неолибералы, в первую очередь монетаристы, поставили перед государством еще одну задачу – борьбу с ней, для чего необходимо было вернуться к сбалансированному бюджету. «Рецессия 1981–1982 годов, когда уровень безработицы превысил 10%, была ужасной, но в какой-то мере это был преднамеренный выбор: в те годы ФРС реализовывала политику «дорогих денег», чтобы сломать хребет инфляции», – пишет кейнсианец Кругман (там же. С. 249). В середине 1980-х гг. начался подъем большого экономического цикла («положительная» фаза 1985–2005 гг.), на который пришлось такие неолиберальные программы экономической политики, как «рейганомика» и «тэтчеризм». Но политики и экономисты приписали этот подъем «правильной» экономической политике неолибералов, благодаря чему неолиберализм надолго закрепился в лидерах экономической теории и экономической политики ведущих капиталистических стран. Воду на мельницу неолиберализма продолжала лить «положительная» фаза большого экономического цикла (1985–2005 гг.), во время которой «инфляция оставалась низкой..., а две рецессии, которые случились в эти годы, были короткими... Рабочих мест было относительно много..., индекс Доу превысил 10 тысяч, а цены акций в среднем росли со скоростью более 10% в год» (там же. С. 219). «Так в период правления Гринспена (председателя ФРС США с мая 1987 г. по январь 2006 г. – М.П.) начали появляться хорошие экономические новости, но председатель ФРС к этому никакого отношения не имел» (там же. С. 221). (Именно в это время и сформировался «экономический блок» российского правительства.)

Однако сейчас экономика России, вместе со всей капиталистической мировой, находится в «отрицательной» фазе большого цикла (2005–2025), которая стала особенно заметна после кризиса среднего цикла 2008–2009 гг. Этот кризис, воспринимаемый многими как неуспех неолиберальной экономической политики, воодушевил кейнсианцев и усилил их критику теории «экономики предложения» (альтернативной кейнсианской теории «экономики спроса»). «Сложившаяся совокупность глупых идей, претендовав-

ших на звание «экономика предложения»..., оказалась всего лишь эксцентричной доктриной, – пишет П. Кругман. – ... За последние несколько десятилетий в экономическом мышлении происходило устойчивое смещение акцентов и уход от спроса в экономике в сторону предложения» (там же. С. 283). Но, отмечает он далее: «Истина, правда, заключается в том, что добрая старомодная макроэкономика спроса может и сегодня предложить много полезного для нашего выхода из нынешнего затруднительного положения» (там же. С. 284). «Для этого политикам всего мира необходимо предпринять два шага: опять запустить в действие поток кредитов и повысить объем расходов» (там же. С. 286). В итоге Кругман констатирует: «Как читатели, возможно, заметили, я верю не только в то, что мы живем в новую эпоху депрессивной экономики, но также и в то, что идеи Джона Мейнарда Кейнса, экономиста, проанализировавшего сущность Великой депрессии, в настоящее время более значимы, чем когда-либо» (там же. С. 295–296). Тем не менее, кризис 2008–2009 гг. не привел к полному повороту к кейнсианству, аналогичному «антикейнсианской контрреволюции» 1970-х гг., произошедшей после кризиса 1968–1969 гг. Неолибералы в мировой экономической политике остались достаточно сильны и успешно обороняются от кейнсианцев.

Все это можно наблюдать в современных дискуссиях об экономической политике, происходящих в нашей стране. «Экономический блок» правительства остается на неолиберальных позициях – Центробанк борется с инфляцией, отмахиваясь от просьб бизнеса о дешевых кредитах; Министерство экономического развития тоже твердо верит в магическую цифру 4% инфляции, при которой почему-то должен начаться рост инвестиций; а Министерство финансов своей единственной целью считает борьбу с дефицитом бюджета. Лидер-теоретик сторонников неолиберализма А. Кудрин и лидер-теоретик сторонников кейнсианства Б. Титов борются за внимание Президента к своим программам. Во всей этой сумятице стоит обратить внимание на такой, на мой взгляд, комичный момент. Докладывая недавно Президенту о положении дел в российской экономике, премьер-министр Д. Медведев, чей «экономический блок» стоит на неолиберальных позициях, отметил, что при общем росте экономики на 1,6% сельское хозяйство выросло на 5%, не уточняя, что подъему последнего способствовали чисто кейнсианские меры (налоговые льготы, льготные кредиты, льготные условия лизинга и протекционистские «контрсанкции»).

Однако, вернемся к проблеме экономического цикла. Как я уже отмечал выше, в современной западной экономической науке идея экономического цикла не в чести как у неолибералов, так и у кейнсианцев. Тот же Кругман, на которого я так часто ссылался, только в одном месте вскользь упомянул о цикле, хотя детально анализировал многие кризисы, указывая на их конкретные «причины». Как вы помните, отправной точкой этой статьи был кризис 2008 г., который наше правительство (вслед за западными) трактовало как финансовый, т.е. произошедший в связи с конкретными «накладками» в кредитно-финансовой сфере. Поэтому оно только накачало деньги в банки (опять-таки как и западные правительства) и потом удивлялось, почему они не предоставляют дешевые кредиты реальному сектору экономики. Премьер Медведев, помнится, грозился даже направить в каждый банк уполномоченного, образно говоря, «с наганом». Банки же резонно отвечали, что их высокие проценты за кредиты – определенная страховка в условиях кризиса. Когда же в 2010 г. кризис закончился, неолибералы во всем мире стали проводить политику «жесткой экономии» для финансовой стабилизации. Это правильно, если трактовать кризис как результат финансовых «шалостей», но с точки зрения существования экономического цикла это означало политику «стабилизации депрессии».

Но было в этой истории и светлое пятно. В конце 2008 г. я полетел в командировку в Казахстан, где находится филиал МГУ, и чуть ли не в первый же вечер услышал по телевизору слова «экономический цикл», пролившие бальзам на мои «теоретические раны» (в начале статьи я писал о том, как удивлялся тому, что на российском телевидении никто

не связывает кризис 2008 г. с экономическим циклом). Приятная дама, директор какого-то экономического института (ее имя и название института я сейчас, к сожалению, не помню) говорила с экрана телевизора о том, что кризис циклический и что правительство Казахстана подготовило развернутую антикризисную программу. В отличие от российской программы, где, по сути, было только две цели – поддержка банковской сферы и социальная поддержка населения, в антикризисной программе Казахстана предлагалась помимо этого помощь государства строительному и аграрному сектору, а также малому и среднему бизнесу, причем не только в финансовой сфере, но и в области государственных закупок. Для решения проблемы занятости предлагались строительство и ремонт инфраструктурных и социальных объектов, а также система переподготовки кадров. Даже отдельным предприятиям рекомендовалось использовать высвобождающуюся на производстве рабочую силу на их инфраструктурных и вспомогательных объектах. Казахская антикризисная программа была разбита на два этапа, рассчитанные на 2008 и 2009 гг. Как говорится – почувствуйте разницу.

Выводы по рассмотренным проблемам я предлагаю сделать читателям.

ЛИТЕРАТУРА

- Brenner P.* (2014). Экономика глобальной турбулентности. М.: Изд-во ВШЭ.
Гринспен А. (2015). Карта и территория: риск, человеческая природа и проблемы прогнозирования. М.: Альпина Паблишер.
Кругман П. (2009). Возвращение Великой депрессии? М.: Эксмо.
 Национальная экономика России и вызовы XXI века. (2009) / Под ред. А.В. Сидоровича. М.: Профиздат.
Перес К. (2011). Технологические революции и финансовый капитал. М.: Дело.
Стиглиц Д. (2011). Крутое пике. М.: Эксмо.

Покидченко Михаил Георгиевич
 pokidchenko@yandex.ru

Michael Pokidchenko

doctor habilitatus in economics, professor, leading research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences; professor of Moscow State University
 pokidchenko@yandex.ru

IS THERE AN ECONOMIC CYCLE?

Abstract. The article deals with the problems of economic cycles and discussions related to them – the question of their existence, especially the question of the existence of large economic cycles, and the problem of the interaction of large and medium cycles. Various opinions on the causes of the origin of economic crises are considered. Also, various concepts of anti-crisis and anti-cyclical policies are examined in detail, primarily Keynesian and neo-liberal. The concepts of anti-crisis economic policy in Russia and abroad (the USA, Western Europe and Kazakhstan) are analyzed.

Keywords: *economic crisis, economic cycle, anti-crisis policy.*

JEL Classification: B25, E32, N14, O33, O38, P16.

REFERENCES

- Brenner R.* (2014). The Economics of Global Turbulence. М.: Izd-vo VSHE. (London, N.Y.: Verso, 2006).
Greenspan A. (2015). The Map And The Territory Risk, Human Nature, And The Future Of Forecasting. М.: Alpina Publisher. (N.Y.: The Penguin Press, 2013).
Krugman P. (2009). The Return of Depression Economics. М.: Eksmo. (U.S.: W.W. Norton, 2008).
 The National Economy of Russia and the Challenges of the 21st Century. (2009) / Ed. A.V. Sidorovich. М.: Profizdat.
Perez C. (2011). The Technological Revolutions and Financial Capital. М.: Delo. (UK, Cheltenham: Edward Elgar, 2002).
Stiglitz J.E. (2011). Freefall. М.: Eksmo. (London: Penguin, 2010).